

Дарообмен и критика капитализма: от Зиберера до Гребера

Данила Евгеньевич Расков

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

e-mail: d.raskov@spbu.ru

Павел Антонович Терещенко

Центральный Европейский Университет, г. Вена, Австрия

e-mail: tereshchenko_pavel@student.ceu.edu

Цитирование: Расков Д.Е., Терещенко П.А. (2021). Дарообмен и критика капитализма: от Зиберера до Гребера // *Terra Economicus* **19**(4): 66–76. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-4-66-76

Критика капитализма развивается вместе с самой системой капиталистических отношений. Несмотря на то, что с момента установления капитализма прошло уже несколько веков, не утихают голоса критиков, которые настаивают на том, что существуют альтернативные способы обустройства экономических отношений. Зачастую подобные критики обращаются к экономической антропологии, чтобы показать экономический уклад, отличный от капиталистического. Для этого антропологи обращаются к опыту коренного населения и, описывая его в подробностях, критикуют сложившуюся систему. Однако претерпевает ли данная критика изменения? В рамках данной статьи авторы отвечают на этот вопрос путем сопоставления позиций двух одновременно похожих, но притом разных видных академических исследователей своего времени – Николая Ивановича Зиберера и Дэвида Гребера. Н.И. Зиберер – последний представитель классической политической экономии XIX в. и один из первых марксистов. Он придерживался левых взглядов и был отмечен самим Карлом Марксом. Основным его трудом «Очерки первобытной экономической культуры» (1883) сегодня можно по праву отнести к экономической антропологии. В нем Зиберер предпринимает попытку систематизировать структуру первобытных обществ, выявляя общие аспекты их экономической жизни. Д. Гребер – антрополог, придерживающийся левых идей и получивший наибольшее признание в XXI в. после написания книги «Долг: Первые 5000 лет истории» (2011). Эта книга, подобно «Очеркам» Зиберера, охватывает обширный исторический период и попутно критикует капитализм. Путем сравнения критики, которая встречается и у Зиберера, и у Гребера, авторы вписывают их интеллектуальное наследие в единый контекст, прослеживая эволюцию критики капитализма в рамках экономической антропологии.

Ключевые слова: Н.И. Зиберер; Д. Гребер; экономическая антропология; дар; критика капитализма; первобытное общество

Gift exchange and critique of capitalism: From Sieber to Graeber

Danila Raskov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: d.raskov@spbu.ru

Pavel Tereshchenko

Central European University, Vienna, Austria, e-mail: tereshchenko_pavel@student.ceu.edu

Citation: Raskov D., Tereshchenko P. (2021). Gift exchange and critique of capitalism: From Sieber to Graeber. *Terra Economicus* 19(4): 66–76. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-4-66-76

The critique of capitalism evolves alongside the ongoing development of capitalism. Even though more than a few centuries passed since the widespread adoption of capitalism, the voices of critics are still loud. They argue that capitalism does more harm and there are alternative ways of constructing economic activities within the society. To show such alternatives, the critics turn to economic anthropology. Using this tool, they study the economic activities of these societies and use their experience to criticize the existing capitalist system. However, is this criticism a dynamic one? We answer this question by comparing two prominent academic researchers of their time – Nikolai Sieber and David Graeber. Sieber is the last representative of the classical political economy of the 19th century and one of the first Marxists. Sieber was a proponent of left ideology and was noted by Karl Marx himself. His main work, which relates to economic anthropology, is called “Essays on Primitive Economic Culture” (1883). Within this book, Sieber attempts to systematize the structure of primitive societies, identifying the aspects of their economic life. David Graeber is also sharing left ideology. He is an anthropologist who has gained the greatest recognition in the 21st century after publishing a book called “Debt: The first 5000 years of history” (2011). This book, like Sieber’s “Essays”, covers a vast historical period and criticizes capitalism. By comparing the criticism from Sieber and Graeber, we put their intellectual heritage into the context of critique of capitalism within the framework of economic anthropology.

Keywords: N. Sieber; D. Graeber; economic anthropology; gift; capitalism critique; primitive society

JEL codes: A12, Z13

Введение

Имманентной чертой капитализма стала его критика. Центр критики политической экономики – «Капитал» Маркса. Можно сказать, что с самого своего начала, а Маркс указывал на период Реформации XVI в. как на время появления нового типа экономических отношений, капитализм был отмечен критикой. Достаточно упомянуть «Утопию» Томаса Мора, который в своей положительной программе общества, которого еще нет – или лучшего, идеального устройства – отталкивался от критики того мира отношений, который он видел в наступавшей буржуазной реальности, где «овцы пожирают людей». Не будет преувеличением сказать, что для марксизма, анархизма и в более широком ключе левой мысли критика капитализма – важнейшая отправная точка.

Построение социализма в молодой советской республике или Китае сталкивалось с реальной сложностью, что критика капитализма – есть, а более-менее развернутого описания того типа устройства, что можно назвать коммунизмом, – практически нет. Из ранних работ Маркса ясно, что это общество будет решать проблему отчуждения и в этом смысле приближаться к обществу первобытнообщинному, архаичному. Прогресс технологический и экономический совпадет с прогрессом социальным, обобществлением и новой коллективностью. В этом смысле поиск и обобщение опыта столкновения с народами и племенами, которые находятся на догосударственном уровне развития, имеет принципиальный интерес. Как организовано общество, когда в нем еще не развито разделение труда, нет частной собственности, институтов централизованной государственной власти, но тем не менее есть своя эко-

номика, свой обмен, свои институты и правила взаимодействия. Дар, дарообмен и потлач становятся центральными категориями, которые необходимо осмыслить в связи с попыткой найти альтернативы.

Задача данной статьи сосредоточена на достаточно ограниченном сюжете, проливающим свет на этот фундаментальный вопрос. Она состоит в том, чтобы проследить то общее, что объединяло усилия двух ученых, сознательно изучающих первобытную или архаичную экономику: Николая Ивановича Зибер (1844–1888) и Дэвида Гребера (1961–2020). Выявление общего покажет и ряд неизбежных различий. Зибер – признанный теоретик учения Рикардо и Маркса, один из последних последовательных политических экономов классической школы с четким и выверенным интересом к высокой теории (Зибер, 1871; Расков, 2018; Широкоград, 2018). Гребер – антрополог, который умеет писать тексты от первого лица с запоминающимися примерами и историями, и который с самого начала занял активную позицию. И Зибер пробовал себя в научно-популярном жанре, но Гребер стал по-настоящему известен. Его работы «Долг: первые 5000 лет истории», «Бредовая работа: Трактат о распространении бессмысленного труда» сделали его знаменитым и популярным (Гребер, 2015; 2020). Но вот что их объединяет – это экономическая антропология, которая приковала их внимание и стала тем пространством, которое было призвано решить очень важные практические и теоретические задачи.

Зибер

Зибер сразу и прочно стал известен как популяризатор Маркса и Рикардо. Благодаря благосклонному замечанию Маркса в послесловии ко второму изданию «Капитала» диссертация Зибер, опубликованная в 1871 г., стала частью теоретической дискуссии. Однако во второй части своей жизни в Швейцарии (1875–1884) главным трудом Зибер стала книга «Очерки первобытной экономической культуры» (1883), которая в 1881 г. была завершена в Берне с первоначальным названием «Экономия и право первобытных обществ». Название было скорректировано его другом И.И. Янжулом и издателем К.Т. Солдатенковым (см. Расков, 2020).

Для работы над книгой Зибер проводит большое исследование в Национальной библиотеке Парижа и Британском музее в Лондоне. Им движет желание обобщить универсальные черты в экономической организации и нормативно-правовом устройстве из разнообразных показаний путешественников (Зибер, 1883: 1). Зибер тотально погружается в круг текстов, которые были написаны миссионерами, путешественниками, ботаниками, торговцами, дипломатами, просветителями, этнологами, историками, которые преимущественно на немецком, английском, французском, русском описывали встречи с первобытными народами и племенами во всех частях света: от Ванкувера до Миссисипи, от Мексики до Патагонии, от Новой Зеландии до Полинезии, от Арктики до Бухары. Научные экспедиции, миссии, дипломатические службы, наблюдения географов и этнографов дают пеструю и трудно-сравниваемую картину, в которой Зибер находит универсальные черты.

Само название «первобытная экономическая культура» перекликается с «Первобытной культурой» (1871) Эдуарда Бернетта Тайлора, хотя есть всего лишь одна-единственная отсылка к этому тексту (Зибер, 1883: 409)¹. Гораздо активнее Зибер цитирует немецкого психолога и антрополога Теодора Вайца (Waitz), в частности, его шеститомное сочинение «Антропология первобытных народов» (*Anthropologie die Naturvölker*) (Вайц, 1867). Хорошо знаком Зибер и с книгой «Древнее общество» американского этнографа-эволюциониста Льюиса Генри Моргана (1935). К эволюционизму как направлению относятся и книги «Материнское право» швейцарского юриста Иоганна Якоба Баховена и «Лекции по ранней истории институтов» английского историка права Генри Джеймса Мэйна (Maine, 1875). Таков корпус теоретических сочинений в антропологии, преимущественно эволюционной, на которые в явном виде опирается Зибер.

Остановимся отдельно на дарообмене, даре и потлаче. Надо понимать, что в сотнях свидетельств Зибер ищет общие черты, идет еще по целине – нет обобщений экономической антропологии, с которыми сегодня знаком каждый – ни теории дарообмена Марселя Мосса ([1925] 1996), ни концепции реципрокности, перераспределения и обмена Карла Полањи ([1944] 2002), ни концепции «первоначального изобилия» Маршалла Салинза ([1972] 1999), ни более сложного понимания фактора времени и игры в объяснении архаичного обмена Пьера Бурдьё, ни, наконец, широкого полотна антро-

¹ Книги Тайлора «Первобытная культура» издавалась в 1872 г. и 1896–97 гг. с купюрами, в 1939 г. было подготовлено издание, где восстановили цензурные купюры, но опустили устаревшие рассуждения и фактические данные и объединили с рядом глав из книги «Антропология». Наконец, в 1989 г. книга издана с восстановлением всех изъятий за исключением двух глав, представляющих узкоспециальный интерес (Тайлор, 1989).

пологического, лингвистического и исторического полотна развития концепции долга Дэвида Гребера. Даже Энгельс еще не выступил с обобщающими положениями эволюционного материализма.

Обязанность дарить – принимать дар и отдаривать

Основываясь на свидетельствах путешественников, Зибер близко подступает к тем принципам дарообмена, которые сформулировал Марсель Мосс. По форме дар – дело добровольное, бескорыстное, спонтанное, а вот по сути, говорят нам антропологи – обязательное, продиктованное интересами. Была большая дискуссия о том, что заставляет не только дарить, принимать, но и отдаривать. Для Мосса – это дух подаренной вещи. Особенно это проявляется в потлаче, который Мосс определяет весьма точно как «тотальную поставку агонистического типа». Тотальную, поскольку никто не может оставаться в стороне в этом состязании, в этом соперничестве за щедрость и изменение иерархии. Есть основания полагать, что интерпретация Зибера несколько тоньше, поскольку один из основных его тезисов в объяснении этого явления состоит в четком понимании функционирования собственности как общения имуществ. В отсутствии частной собственности в современном понимании нет и разделения, прерывания на фазы подарок – принятие подарка – ответный дар. Словами Мосса можно в данном случае побивать самого Мосса: тотальность как раз и состоит в непрерывности, в невозможности однозначно разбить на фазы. В отсутствии отчуждения прерывания не происходит, и общение имущества, звучащее в духе идеалов христианства, но относящееся именно к архаичной экономике, лучше объясняет эти отличия, не приписывая первобытнообщинной экономике излишнего индивидуализма. Тогда как разбиение на четкую трехфазную схему предполагает отношения собственности.

Приводя обширные выдержки из описаний порядков на Острове Дружбы (Тонга), Зибер говорит о законе гостеприимства, который состоит в «обязанности давать», что отвечает «потребностям слабой части общества». Обратной стороной всеобщего гостеприимства и оказывается обязанность давать. Зибер со своей стороны поправляет, как уже было сказано выше, что для этого этапа и уровня развития характерно общение имущества (Зибер, 1883: 136). К тому же дают «без эквивалента», т.е. это неэквивалентный обмен. Принцип неэквивалентности в обмене позже хорошо понимали Ж. Батай ([1967] 2003) и Ж. Бодрийяр (2000). Растрата – это роскошь, которая создает собственную ценность своей невозполнимостью, своей жертвой. В примитивном обмене дар является ритуалом, поэтому не свободен от множества условностей, предполагающих тонкое понимание когда, кто, при каких обстоятельствах вступает в обмен. Ответ на эти многочисленные вопросы в контексте темпоральности и будет возвращать к ускользающему эквиваленту, которого в самом обмене нет. Именно в этой логике неэквивалентного обмена дар выступает как вызов, который может вести к большему ответному дару, а может к войне, насилию и унижению, как это показал Бурдьё ([1980] 2001: 192–218).

Впрочем, собирая разные свидетельства, Зибер порой дает ту точку зрения наблюдателя, согласно которой участники архаичного обмена ориентируются или предполагают эквивалент возврата собственной инвестиции в дар. Общение имуществ и щедрость могут находиться в логике равенства, когда получают и дают, «и возвращение подобных же даров заботливо ожидается и наперед принимается в соображение» (Зибер, 1883: 145). Делая подарок, «киргиз всегда рассчитывает на более ценное отдарение» (Там же: 153), а «Дарение между якутами весьма часто. Но если якут дарит чем-нибудь якута, то при этом имеет в виду, что приятель отдарит его непременно вещью большей цены, чем подаренная» (Там же: 154). Подобные цитаты больше встраиваются в ту схему интерпретации, что предлагает Мосс, а затем сохраняется в характеристике средневекового обмена, когда принцип всевозрастающего состязания в щедрости ведет к тому, что незначительный изначальный дар, сделанный в правильное время правильному человеку, ведет через череду событий и обменов к высшему богатству.

Взаимность, или иными словами – реципрокность – также обнаруживается в «насыщенном описании», которое выбирает Зибер: «Взаимное обращение подарков, по всей вероятности, является первоначальной почвой, на которой развивается *внутренний* обмен ...» (Зибер, 1873: 143). Взаимность в даре – принципиальная вещь, которая вместе с другими параметрами архаичного обмена выводит само это явление далеко за рамки чисто экономического, в сторону тотальности – игры с заранее непредсказуемым результатом, в сторону состязания, иногда в сторону растраты и жертвы.

Потлач и отсутствие разделения труда

Зибер точно воспроизводит элементы праздника, сопровождающегося ритуальным уничтожением имущества, которое теперь шире известно как потлач. Со слов канадского торговца шотландского происхож-

дения Г.М. Спрота, Зибер упоминает такие важные черты этого ритуального действия, как уничтожение имущества, которое так поражало внешних наблюдателей, беспокоило властей и привело к запрещению потлача в Британской Колумбии (Sproat, 1868). Зибер четко фиксирует, что в таких обществах отсутствует бедность, минимальное обеспечение получают все: «От каждого тюленя, пойманного на зимней станции, небольшие куски жира и мяса распределяются между всеми жителями зимовища» (Зибер, 1873: 179, 151). В других культурах явления, подобные потлачу, также считаются Зибером. Это большие пиры, «показная жизнь», празднества, сопровождаемые состязанием в щедрости (Зибер, 1883: 146).

Вместе с тем, прибегая к похожим описаниям, как приводит Мосс по Боасу, Зибер не фиксируется только на растрате или уничтожении имущества и равнодушии к богатству, но все время возвращается к социальной организации, а именно к отсутствию разделения труда, добывающему характеру присвоения и общности имущества. Первобытные труд и потребление, по мысли Зибера, носят случайный, неравномерный характер, а не «правильный и машинообразный», нет дорог, и способы перемещения ограничены. Сегодня – много работы, завтра – лень, сегодня – голод, завтра – обжорство (Зибер, 1883: 162). Зибер аккуратно выписывает вполне мифологические, но заслуживающие внимания, истории о том, что один якут съел в три дня лошадь, а другой выпил за один присест пуд топленого масла (Там же: 162), чем подтверждает случайность труда, отсутствие рутины и разделения труда.

Критика европейского человека и похвала прогрессу

Зибер не испытывает иллюзий по поводу вреда от столкновения архаичной культуры и современным миром, который часто несет болезни и потерю традиционного образа жизни. В частности, вину за продажу жен и дочерей иностранцам Зибер вменяет не вождю, или как он часто называет – не начальнику, а самим европейцам, которые усилили власть начальников в ущерб всему народу (Зибер, 1883: 136). Влияние коммерции и различий в пище тоже трактуется Зибером в негативном ключе: «Наивность нравов исчезает перед формальностями цивилизации. Гостеприимный дикарь становится расчетливым и себе на уме торговцем, наша одежда делает его беспомощным, наша пища делает его больным» (Там же: 137). Положение женщин в племенах «далеко не везде так дурно как привыкли думать в Европе – защищает Зибер социальную организацию первобытных народов (Там же: 290). Зибер задается вопросом: «действительно ли человек, стоящий на низших ступенях развития, менее стеснен в выборе своей деятельности, нежели средний европеец» (Там же: 170–171). Степень свободы и выбора несравненно выше у современного европейца, полагает Зибер, а индивидуальная свобода личности построена на коллективных возможностях и разделении труда. В этом смысле Зибер одновременно признает объективный прогресс и критикует влияние европейцев на менее развитые народы.

Зибер сохраняет приверженность строгому пониманию поступательного развития человечества и склонен к критике капитализма, но гораздо более умеренной, чем критика рыночного обмена у Карла Поланьи, который был уверен, что неограниченное превращение людей, земли и денег в товары приведет среду человеческого обитания в пустыню, а человека поставит на грань физического уничтожения: «Позволить рыночному механизму быть единственным вершителем судеб людей и их природного окружения или хотя бы даже единственным судьей надлежащего объема и методов использования покупательной способности значило бы в конечном счете уничтожить человеческое общество» (Поланья, 2002: 87).

Гребер

В отличие от Зибера, который был тепло принят самим Марксом, и чьи работы практически сразу вошли в научную дискуссию, у Гребера был более тернистый путь к всеобщему признанию. Тем не менее, Гребер получил отличную антропологическую базу – свою докторскую он писал под руководством Маршалла Салинза в Чикагском университете. Также во время обучения Гребер получил стипендию Фулбрайта, которая позволила ему провести полевые исследования на Мадагаскаре. В дальнейшем он будет использовать полученные результаты в своем, пожалуй, наиболее монументальном труде – «Долг: первые 5000 лет истории». Однако до момента написания книги Гребер успел поработать в Йельском Университете, оказаться уволенным, а также стать одним из идейных отцов левого движения “Occupy Wall Street”, которое выступало против корпоративных финансов в политике. Таким образом, когда Гребер закончил писать «Долг» в 2011 г., он уже успел себя зарекомендовать как весьма незаурядного специалиста, а также активного сторонника левых взглядов.

Колоссальный успех «Долга» закрепил за Гребером статус одного из самых видных деятелей направления экономической антропологии. Стоит помнить о том, что Гребер последовательно придерживался левых взглядов, и его работы имеют соответствующий отпечаток. Нельзя сказать о том, что Гребер был марксистом, но его влияние будет прослеживаться, когда мы будем говорить о дарообмене. Это, в свою очередь, позволяет сравнивать теорию дарообмена в контексте как Зибера, так и Гребера.

Дарообмен

Для Гребера дарообмен оказывается неразрывно связан с долгом. Первый оказывается звеном, необходимым для возникновения второго. Через дар открывается возможность к подчинению (Гребер, 2015). Разумеется, идея о том, что дар обладает некоторыми «подчинительными» свойствами, далеко не нова. Об этом писали Марсель Мосс (1996), Маршалл Салинз (1999), Клод Леви-Стросс (1985) и другие (Канаев, 2007; Ерискина, 2004). Так, например, для Леви-Стросса вся человеческая жизнь делилась на обмен словами (язык), обмен женщинами (родство) и обмен вещами (экономика), что в совокупности и вливалось в некую форму обмена дарами, при том, что каждый дар продолжает циркулировать в общей замкнутой системе человечества (Леви-Стросс, 1985).

В этом плане Гребер является продолжателем уже сложившейся традиции в антропологии, которая рассматривает дар как некий объект, подчиняющий получателя дара, если получатель не может ответить равным или более ценным даром (Мосс, 1996). Как это следует из общего названия работы Гребера, для него обмен в современном понимании тесно связан с долгом:

«Сейчас, как и прежде, почти все считают, что общественная жизнь, основанная на принципе взаимности, а значит, все человеческие взаимоотношения лучше всего рассматривать как разновидности обмена. Тогда долг лежит в основе любой нравственности, потому, что долг – это то, что бывает, когда еще не восстановлен некий баланс» (Гребер, 2016: 108).

Получается, что в данном случае любой дар неизбежно ведет к установлению такого положения, при котором один человек оказывается в зависимом, должном положении по отношению к другому.

Для Гребера обмен также тесно взаимосвязан с коммунизмом и иерархией, так как это, по его словам, три главных нравственных принципа, которые встречаются в любом человеческом обществе (Гребер, 2016: 111). Это триединство выражается в следующих аспектах:

1) коммунизм отвечает за принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям», что обеспечивает удовлетворение базовых нужд человека в обществе;

2) обмен является отдельным от коммунизма, так как в отличие от безвозмездности в случае последнего, он основывается на принципе реципрокности и применяется как в безличной рыночной экономике, так и в ее предшественниках;

3) иерархия, которая делает обмен невозможным в силу того, что тот основан на взаимности и равенстве (по крайней мере возможном равенстве сторон), а иерархия лишь прикрывается логикой обмена, на деле представляя собой эксплуатацию.

Почему эти аспекты важны? Дело в том, что по Греберу любой обмен оказывается в тесной связи с коммунизмом и иерархией. Все три аспекта не могут существовать в единой плоскости одновременно, но в то же время они тесно взаимосвязаны, так как являются частью человеческих отношений. Так, например, мы можем исходить из соображений коммунизма, при взаимодействии с семьей, но действовать исходя из обмена по отношению к соседям и исходя из иерархии при взаимодействии с властью. Сам Гребер пишет: «Все мы коммунисты в отношениях с нашими близкими друзьями и феодальные сеньоры, когда общаемся с маленькими детьми» (2016: 135). Все может происходить в жизни одного человека, но в то же время не сразу внутри одной закрытой системы. Мы не можем следовать одновременно всем трем принципам при взаимодействиях, допустим, с семьей. Как отмечает Гребер, это скорее некое перемещение между модальностями, которое постоянно сопутствует нам (2016).

Реципрокность

Дарообмен устанавливает цепочку продолжающихся взаимоотношений между различными членами общества. При этом дарообмен не должен быть точным денежным эквивалентом полученного дара – в некоторых случаях это может трактоваться как желание прервать взаимоотношения, возвратив полную стоимость подаренного (Гребер, 2016: 124). Дарообмен должен опираться на примерную стоимость дара, избегая точных вычислений. Но в то же время он не должен быть чем-то, сильно отличающимся по стоимости. При сильных

отклонениях стоимости дара от полученного как в большую, так и в меньшую стороны неизбежно будет произведен переход от модуса обменных отношений в модус иерархических отношений. Это произойдет в силу того, что если подарок будет отличаться сильно в большую стоимость, то это можно будет скорее трактовать как некий вызов – если получатель дара не сможет ответить эквивалентным или превосходящим по ценности даром, то он де-факто принимает доминирующее положение дарителя по отношению к себе, и ни о каком последующем дарообмене речи быть не может. В этом случае уже будет переход в подчиненное состояние. Ситуация же, в которой человек на дар ответит меньшим по ценности, будет означать, что человек принимает поражение и готов признать главенство того, кто сделал более ценный подарок. Именно такую трактовку и предлагает Пьер Бурдьё (2001), и именно к его трактовке нас отсылает Гребер, описывая все на примере приглашения в ресторан от коллег и от Билла Гейтса (Гребер, 2016: 125). Если мы вообразим ситуацию, в которой некий человек получает приглашение в ресторан от коллеги, то у него появляется необходимость ответить аналогичным жестом, так как и человек, и его коллега находятся на равных позициях. В данном примере у приглашаемого появился долг перед приглашающим, который необходимо погасить, чтобы пресечь возникновение доминирующего положения приглашающего. Однако если вместо коллеги приглашающим окажется Билл Гейтс, то это будет всегда восприниматься как жест доминирующего человека, так как существует консенсус о том, что есть лишь узкий круг людей, которые находятся на одном уровне с Биллом Гейтсом. Следовательно, долг, который в примере Гребера является ответным приглашением в ресторан, не будет сформирован. У приглашенного человека не возникнет ощущения того, что ему нужно поддерживать равный статус с Биллом Гейтсом, так как его превосходство для него очевидно. Долг мог бы образоваться, только если бы Билл Гейтс пригласил в ресторан Баффета, Безоса или другого миллиардера. Если развивать эту мысль дальше, то мы получаем, что ни один дар не может быть в итоге абсолютно лишенным каких-либо последующих обязательств или установления долга (Laidlaw, 2000).

Именно поэтому для Гребера дарообмен представляет собой скорее некую форму долговых отношений, которые основываются на взаимности. Очень важно, что это состояние взаимности не перманентно и может варьироваться, исходя из ценности обмениваемых подарков. В дарообмене всегда должна быть возможность для эквивалентного отдаривания, которое может быть прикрыто формальной необязательностью (Venkatesan, 2011).

В случае отсутствия возможности взаимного отдаривания отношения переходят в иерархические. С точки зрения Гребера, взаимность оказывается исключительно важной для дарообмена именно из-за того, что она становится главной формой нашего представления о справедливости – даже средневековая иерархия рассматривается в терминологии взаимности, хотя она таковой не является (Гребер, 2016: 135). Принимая подарки, но не участвуя в ответ в сложной культуре дарообмена, человек становится рабом. При этом Гребер не говорит о том, что в триединой системе «коммунизм – обмен – иерархия» общество неизбежно стремится продвинуться от стартового коммунизма к иерархии, к которой западные общества уже давно привыкли. При этом следует отметить, что сам концепт иерархии Гребер интегрирует, сообразно своему прочтению Марселя Мосса (Graeber, 2014).

Если суммировать взгляда Гребера на дарообмен в одном предложении, то оно будет выглядеть следующим образом: дарообмен является частью триединой системы «коммунизм – обмен – иерархия» и по-настоящему возможен только среди равных по статусу и равных по возможностям отдаривания – в противном случае мы наблюдаем скорее некую дань или подачку (в зависимости от статуса дарящего), замаскированную под дарообмен.

Критика капитализма

Третьим элементом, необходимым для составления пазла экономической антропологии Зибера и Гребера, является критика капитализма. Сам по себе Гребер является воплощением этой критики. Так как он является одним из вдохновителей движения “Occupy Wall Street”, то неудивительно, что в своих академических работах Гребер сохраняет критический взгляд по отношению к капитализму и западной культуре в целом.

Для Гребера капитализм оказывается неразрывно связан с западными государствами, которые его и создали. При этом интересно отметить, что рынки не оказываются сплавленными с капитализмом – наоборот, капитализм противоположен рынкам. Если рынки работают по схеме Товар – Деньги – Другой товар (Т-Д-Т), то капитализм работает по схеме Деньги – Товар – Деньги (Д-Т-Д). Это принципиальное отличие для Гребера позволяет выстраивать критику западного общества не исходя из организации рынков, но исходя из целей, которые преследуют на Западе (Гребер, 2016: 266). При этом изначально капиталистические институты, как

отмечает Гребер, возникали на Востоке. Тем не менее, из-за того, что там рынок не контролировался правителями напрямую, в отличие от Запада, то капитализм не стал настолько беспощадным (Гребер, 2016: 312).

Настоящий расцвет капитализма по Греберу наступает в эпоху великих географических открытий. Западные цивилизации, столкнувшись с необходимостью колонизировать Северную Америку и обрабатывать плантации, начали использовать логику капитализма для создания рабства. Применяя логику «новой эпохи», логику капитала к экономикам «чести», западные торговцы разрушали социальные связи обществ Африки и делали рабство морально оправданным. Означает ли это, что необходимо вернуться к так называемым «экономикам чести», где не было места капитализму? Несмотря на то, что Гребер явно показывает негативное влияние европейцев на образ жизни коренного населения, он не предлагает возвращаться в некое «естественное состояние». Основная идея Гребера – показать несправедливость, к которой мы пришли через капитализм. Именно через осознание всего процесса, который предшествовал появлению современного капитализма, мы будем в состоянии увидеть его «темные» стороны и по-настоящему задуматься над тем, что такое свобода, и можем ли мы с помощью долга манифестировать «истинную» ценность чего-либо.

Зибер и Гребер

Синтез взглядов на дарообмен и критику капитализма как со стороны Зибера, так и Гребера позволяет взглянуть на двух авторов под весьма необычным углом и определить интеллектуальное пространство, в котором оба автора оказываются по отношению к экономической антропологии по ряду некоторых вопросов, касающихся природы дарообмена.

Первое, что бросается в глаза, – это развитие идей об истоках дарообмена. Если для Зибера это было гостеприимство, то для Гребера это уже оформившийся в экономической антропологии концепт реципрокности. Однако здесь следует сделать уточнение: вполне возможно, что сам Зибер понимал гостеприимство гораздо шире, чем мы понимаем сейчас. Это возможно в силу того, что он создавал свой труд в конце XIX в., и привычной для экономической антропологии терминологии не существовало. Хотя, как мы уже упоминали, из повествования Зибера можно сделать вывод о наличии взаимности в обмене дарами среди тех обществ, дарообмен которых он описывает. Но здесь, в отличие от Гребера, Зибер еще не делает разделения на коммунизм, обмен и иерархию. Он склонен рассматривать все эти аспекты сразу, что могло негативно повлиять на выявление причинно-следственных связей. Гребер же продемонстрировал, что наличие или отсутствие стимулов для обмена дарами, когда происходит одностороннее поднесение даров, кроется именно в отличающихся причинах поднесения даров. Для Зибера те примеры, которые наиболее вероятно были бы отнесены Гребером к различным категориям, оказываются сведены к одному – гостеприимству. И это при том, что с методологической точки зрения оба автора в своих работах в значительной мере обращались уже к существовавшей антропологической литературе, будучи своего рода «кабинетными антропологами» (Расков, 2016).

Было бы несправедливо утверждать, что взгляд Зибера на дарообмен идет радикально вразрез с современной экономической антропологией. Так, например, его утверждение о том, что дарообмен может существовать исключительно в контексте кооперации и своеобразной дружественности, на наш взгляд, перекликается с понятием базового коммунизма у Гребера. Безусловно, Зибер был знаком и с работами Маркса, и с ним самим, но не стоит забывать, что если бы Зибер обозначал некие процессы как «коммунистические», то его труд могла бы не пропустить цензура, с которой у него уже возникали проблемы из-за неоднозначного отношения российской власти к представителям старой Киевской громады и украинофилам, с которыми общался Зибер (Hillis, 2012). Гребер, описывая базовый коммунизм, говорит о том, что сама система может существовать только в тех условиях, когда мы рассчитываем, что в будущем при необходимости с нами поступят так же, как мы поступаем сейчас, отдавая необходимое нуждающемуся. Если курильщик дает сигарету незнакомцу, у которого есть необходимость покурить, но нет способов реализовать эту необходимость, то дающий рассчитывает, что если и он окажется в аналогичном положении, то такой же незнакомый человек безвозмездно поможет реализовать его необходимость. Кооперация по Зиберу представляет собой нечто схожее, так как он в этом контексте упоминает самоедов, у которых богатые всегда делятся излишками с бедными, если последним нечего есть. Вместе с тем, обычаи этих племен разрешают бедным красть у богатых все, что им вздумается, если богатые по какой-либо причине откажутся помочь бедным удовлетворить их потребности. На наш взгляд, это аналогия базового коммунизма, о котором писал Гребер.

Однако даже в уже упомянутых вопросах взгляды Зиберы и Гребера нельзя однозначно свести к единому направлению. Для Гребера основной проблемой является капитализм, «Д-Т-Д» – система, которая навешивает на все четкие ценники и становится частью общественной морали. Этот процесс влияет на все аспекты, включая дарообмен в современном обществе, заставляя искать ценность не в относительных величинах, а в абсолютных. При этом становление гегемонии западного капитализма для Гребера является постепенным историческим процессом, который, тем не менее, не был предопределен. В то же время для Зиберы западный капитализм является процессом неизбежным для любого общества, пускай он и не привлекателен и не может включить в себя логику «туземцев» (Дубянский, 2016). Для Зиберы же важна именно широта рассматриваемых случаев. Дарообмен оказывается присущ «туземцам», для которых это не проявление добродетели, но форма выживания в данных условиях. Присущая западу ассоциация дара с чем-то добродетельным или эмоциональным искажает реальность (Уап, 2012).

Заключение

Как нам следует позиционировать двух авторов в контексте экономической антропологии? Можно ли сказать, что экономическая антропология в целом похожа на то, о чем писал Зибер? Не совсем так. Безусловно, у него мы наблюдаем определенные моменты, которые в будущем получили развитие и трансформировались под влиянием новых исследований и критического осмысления многих авторов. В то же время он не делает должного разделения между феноменами и описывает их весьма хаотично. В то же самое время идеи Гребера однозначно находятся под влиянием уже сложившейся школы экономической антропологии. Так, например, описанная нами идея Гребера о том, что подарки должны быть такими, чтобы получатель мог ответить на них, имеет схожесть с идеей Бурдьё о том, что существуют такие мелкие подарки, которые дарятся часто, не функционируют по механике ритуала, и их легко возвращать (2001), что делает возможным сохранение равного положения, не перетекающего в то, что Гребер называет иерархией. Также именно Бурдьё рассматривал дар как способ подчинения, если получатель не может ответить равноценным даром. Огромную роль в этом сыграл Бронислав Малиновский – именно его жизнь внутри племен и ассимиляция позволили ему сделать существование экономической антропологии возможным, так как жизнь внутри этих обществ открывала совсем иную перспективу, нежели записи миссионеров, на которые опирался Зибер (Никищенко, 2015; Белик, 2010). В своей работе «Аргонавты западной части Тихого океана» Малиновский описал дарообмен кольца кула, что позволило в дальнейшем экономическим антропологам как опираться на его данные, так и проводить исследования в соответствии с его методами (Сонгинайте, 1998). Наследие же Зиберы позволяет ставить его рядом с Марселем Моссом, который также был по большей части кабинетным антропологом. Однако в силу некоторых перипетий судьбы и политической напряженности, Зибер был в значительной степени подвержен цензуре (Alisson et al., 2020; Расков, 2018).

Со времен Зиберы экономическая антропология развилась в самостоятельное направление и смогла прочно встать на ноги. Глобальные процессы находят прямое отражение в экономической антропологии, так как авторы подвержены контексту, в котором они работают (Mauger, 2012). Контекст, который заставляет нас сознательно или нет рассматривать события прошлого через призму настоящего, не позволяет относиться к ним непредвзято. Именно в таком положении вещей крайне важно обращаться к текстам другой эпохи и смотреть, как они анализируют глобальные события, которые разворачиваются на протяжении столетий. История дарообмена, а также история западной колонизации и капитализма, безусловно, относятся к подобным событиям. Рассмотрение взглядов Зиберы и Гребера на эти масштабные процессы позволяют, во-первых, контекстуализировать интеллектуальное наследие, а во-вторых – прийти к более широкому пониманию процессов, оценка которых неизменно оказывается искажена в настоящем.

В настоящее время сохранение наследия Зиберы представляется важной и актуальной задачей. Несмотря на хаотичную манеру повествования, недостаточно точную интерпретацию некоторых процессов с точки зрения современной экономической антропологии, отрицать предвосхищение Зибером новой сферы науки было бы крайне несправедливо. И даже не будучи цитируемым Малиновским, Моссом и другими признанными первопроходцами экономической антропологии, наследие Зиберы остается релевантным, так как оно представляет собой уникальную возможность рассмотреть процессы экономической антропологии глазами человека, для которого основой является ясная экономическая система взглядов.

Литература / References

- Батай Ж. (2003). *Проклятая доля*. М.: Гнозис Логос. [Bataille G. (2003). *The Accursed Share*. Moscow: Gnozis Logos Publ. (in Russian)].
- Белик А.А. (2010). Экономическая антропология: взаимодействие экономики и культуры // *Экономический журнал* (20): 64–86. [Belik A. (2010). Economic Anthropology: Interaction Between Economics and Culture. *Economic Journal* (20): 64–86 (in Russian)].
- Бурдьё П. (2001). *Практический смысл*. СПб.: Алетея. [Bourdieu P. (2001). *Practical Reason*. Saint Petersburg: Aleteiya Publ. (in Russian)].
- Вайц Т. (1867). *Антропология первобытных народов*, т. 1. М.: Типография Мамонтова. [Waitz T. (1867). *Anthropology of Primitive Peoples*, vol. 1. Moscow: Mamontov's Printing House (in Russian)].
- Гребер Д. (2016). *Долг: первые 5000 лет истории*. М.: Ад Маргинем Пресс. [Graeber D. (2016). *Debt: First 5000 Years*. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian)].
- Гребер Д. (2020). *Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда*. М.: Ад Маргинем Пресс. [Graeber D. (2020). *Bullshit Jobs: A Theory*. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian)].
- Дубянский А.Н. (2016). Зибер и Воронцов о капиталистическом пути развития России // *Terra economicus* 14(4): 107–118. [Dubynsky A. (2016). Sieber and Vorontsov on the capitalist path of development of Russia. *Terra economicus* 14(4): 107–118 (in Russian)].
- Ерискина Н.В. (2004). Дарообмен в системе культуры коренных народов Камчатки // *Вестник Камчатского государственного технического университета* (3): 191–194. [Eriskina N. (2004). Gift exchange in the cultural system of the indigenous peoples of Kamchatka. *Bulletin of Kamchatka State Technical University* (3): 191–194 (in Russian)].
- Зибер Н.И. (1871). *Теория ценности и капитала Рикардо с некоторыми из позднейших дополнений и разъяснений*. Киев. [Sieber N. (1871). *Ricardo's Theory of Value and Capital with Some of the Later Additions and Clarifications*. Kyiv. (in Russian)].
- Зибер Н.И. (1883). *Очерки первобытной экономической культуры*. М.: Издание К.Т. Солдатенкова. [Sieber N. (1883). *Essays on Primitive Economic Culture*. Moscow: K.T. Soldatenkov's Publishing House. (in Russian)].
- Канаев А.В. (2007). Происхождение кредита: от дарообмена к долговой кабале // *Финансы и кредит* 13(16): 87–95. [Kanaev A. (2007). The origin of credit: From gift exchange to debt bondage. *Finance and Credit* 13(16): 87–95 (in Russian)].
- Леви-Стросс К. (1985). *Структурная антропология*. М.: Наука. [Levi-Strauss K. (1985). *Structural Anthropology*. Moscow: Nauka Publ. (in Russian)].
- Морган Л.Г. (1935). *Древнее общество*. Ленинград: Издательство института народов севера ЦИК СССР. [Morgan L. (1935). *Ancient Society*. Leningrad: Publishing House of the Institute of Peoples of the North of the USSR Central Executive Committee of the USSR (in Russian)].
- Мосс М. (1996). *Очерк о даре. Общества. Обмен. Личность*. М.: Восточная литература. [Mauss M. (1996). *The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies*. Moscow: Eastern Literature Publ. (in Russian)].
- Никишенков А. (2015). *История британской социальной антропологии*. СПб.: Центр гуманитарных инициатив. [Nikishenkov A. (2015). *History of British Social Anthropology*. Saint Petersburg: Center for Humanities Initiatives Publ. (in Russian)].
- Поланьи К. (2002). *Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетея. [Polanyi K. (2002). *The Great Transformation. Origins of Our Time*. Saint Petersburg: Aleteiya Publ. (in Russian)].
- Расков Д.Е. (2016). Н.И. Зибер как кабинетный экономист-антрополог // *Terra economicus* 14(4): 92–106. [Raskov D. (2016). N.I. Sieber as an armchair economic anthropologist. *Terra economicus* 14(4): 92–106 (in Russian)].
- Расков Д.Е. (2018). Кем был Н.И. Зибер? Контекст интеллектуальной биографии // *Вопросы экономики* (4): 111–128. [Raskov D. (2018). Who was Nikolai Sieber? Contexts of intellectual biography. *Voprosy Ekonomiki* (4): 111–128 (in Russian)].
- Расков Д.Е. (2020). «Экономия и право первобытного общества»: разбор эпистолярного наследия Н.И. Зибера // *Terra Economicus* 18(3): 87–107. [Raskov D. (2020). "Economics and Law of Primitive Society": An inquiry into the epistolary heritage of Nikolaj Sieber. *Terra economicus* 18(3): 87–107 (in Russian)].

- Салинз М. (1999). *Экономика каменного века*. М.: ОГИ. [Sahlins M. (1999). *Stone Age Economics*. Moscow: OGI Publ. (in Russian)].
- Сонгинайте Н.С. (1998). Социальная антропология Бронислава Малиновского // *Журнал социологии и социальной антропологии* **1**(2): 36–43. [Songinaiyte N. (1998). Social anthropology of Bronislav Malinovsky. *Journal of Sociology and Social Anthropology* **1**(2): 36–43 (in Russian)].
- Широкоград Л.Д. (2018). Н. Зибер и К. Маркс в истории дореволюционной российской экономической мысли // *Вопросы экономики* (4): 95–110. [Shirokorad L. (2018). Nikolay Sieber in the history of prerevolutionary Russian economic thought. *Voprosy Ekonomiki* (4): 95–110 (in Russian)].
- Allisson F., D’Onofrio F., Raskov D.E., Shirokorad L.D. (2020). Marxism before Marxism: Nikolaj Sieber and the birth of Russian social-democracy. *The European Journal of the History of Economic Thought* **27**(2): 298–323.
- Graeber D. (2014). On the moral grounds of economic relations: A Maussian approach. *Journal of Classical Sociology* **14**(1): 65–77.
- Herskowitz M. (1952). *Economic Anthropology. A Study in Comparative Economics*. N.Y.: Alfred Knopf.
- Hillis F. (2012). Ukrainophile activism and imperial governance in Russia’s Southwestern borderlands. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* **13**(2): 301–326.
- Laidlaw J. (2000). A free gift makes no friends. *Journal of the Royal Anthropological Institute* **6**(4): 617–634.
- Maine H.S. (1875). *Lectures on the Early History of Institutions*. N.Y.: Hault and Co.
- Maurer B. (2012). Occupy economic anthropology. *Journal of the Royal Anthropological Institute* **18**(2): 454–460.
- Sproat G.M. (1868). *Sciences and Studies of Savage Life*. London: Smith, Elder and Co.
- Venkatesan S. (2011). The social life of a “free” gift. *American Ethnologist* **38**(1): 47–57.
- Yan Y. (2012). The gift and gift economy, pp. 246–261. In: Carrier J.G. *A Handbook of Economic Anthropology*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.